

К ВОПРОСУ О СВЯЗЯХ НАСЕЛЕНИЯ ЗАУРАЛЬЯ И СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ В ДОАНДРОНОВСКИЙ ПЕРИОД

В. И. Стефанов, Н. К. Стефанова

The authors deal with a question of relations between the population of the Middle Irtyish Basin and that of Trans-Urals, basing on the ceramic complex from the Krotovo settlement Inberen 10 which contains an admixture of talcum in the test specimen. The Inberen vessels do not directly correspond to the materials of Trans-Urals monuments which belong to the Alakul and Koptyakovo cultures though in many respects they could be compared with the pottery of the Sintashta-Petrovka Complexes and the Abashevo culture. Judging from few available heterocultural materials obtained from the monuments of the Krotovo culture, the contacts dating back to its early development stage seemed to be scarce, without mass character. During the late stage of the Krotovo culture they got considerably reinforced though they were already oriented into the Andronovo world of the Kazakhstan steppes.

Одним из опорных памятников кротовской культуры на Среднем Иртыше является поселение Инберень Х^[1]. Оно находится в Большереченском районе Омской области на левом берегу Иртыша. Памятник исследовался в 1977–1978 гг. свердловскими археологами [Корочкова, Стефанов, Стефанова, 1978; Стефанова, 1979], общая вскрытая площадь составила 405 кв. м. Специально он известен по публикациям Н. К. Стефановой [1985, 1986, 1988] и И. Г. Глушкова [1984]; к материалам раскопок Инберени Х обращался В. А. Борзунов в связи с изучением истории фортификационного строительства в Западной Сибири [1994, с. 218].

Напомним, что на поселении исследованы остатки жилого сооружения, состоявшего из двух камер, соединенных крытым переходом [Стефанова, 1985]. Меньшая камера имела котлован подквдратной формы площадью 60 кв. м при глубине 0,5–0,6 м. Через коридор длиной 1,5 м, шириной 1,7 м она соединялась со второй постройкой, имевшей котлован прямоугольных очертаний площадью около 90 кв. м, глубиной 0,7–0,8 м. В центре обеих камер размещались очаги, сооруженные в чашеобразных углублениях диаметром до 1 м. Около очагов находились хозяйственные ямы, заполненные различными бытовыми и кухонными остатками. Вдоль двух стен большей камеры зафиксирована приподнятость пола на 20–25 см (остатки земляных нар?). Основой стен и кровли служили столбы, ямки от которых расчищены по краям и в центре котлована.

Жилое сооружение и примыкавший к нему с северо-западной стороны участок земли были обнесены по периметру (?) деревянной оградой. Размер огороженной прямоугольной площадки — 15?20 м. Три стены ограды состояли из вертикально вкопанных бревен; ширина частокольной канавки 0,5–0,6 м, глубина в материке 0,7 м. Характер предполагаемой ограды с четвертой стороны — со стороны края террасы — не выяснен, так как эта часть поселения осталась не раскопанной. Выходы из жилища были обращены во двор. За оградой находились многочисленные хозяйственные углубления, открытые кострища и яма с укрепленными стенками, вероятно использовавшаяся как погреб (или колодец?).

В заполнении и на дне котлованов обеих построек, в пределах огороженной площадки и за оградой обнаружено большое количество находок, характерных для кротовской культуры Среднего Прииртышья. В их числе — керамика (свыше 1600 фрагментов примерно 120 сосудов), изделия из камня (скребки, долотца, наконечники стрел и др.), рога (теслообразные орудия), кости (наконечники стрел, крупная игла, шило-проколка), глины (14 грузил с выступами-«рожками» на концах, обломок литейной формы). На поселении найдено 17 бронзовых предметов (4 возле жилища и 13 в заполнении и на полу котлованов). Коллекция металлических изделий включает двулезвийный нож турбинского типа, обломки еще трех ножей, четырехгранное шильце, обломок крупной иглы, целую очковидную подвеску и спиральное завершение еще одной, витую проволочную пронизь, тонкие пластинки и др. В составе остеологических находок преобладают кости домашних животных (лошадь, мелкий и крупный рогатый скот), удельный вес остатков диких животных (лось, косуля, сайга, волк) в целом невелик.

По мнению автора раскопок, «...материалы поселения Инберень Х позволяют утверждать, что здесь жил сравнительно небольшой коллектив, объединенный общим домом и ведущий хозяйство комплексного типа (скотоводство, охота, рыболовство). На поселении зафиксированы также следы металлообработки» [Стефанова, 1985, с. 61]. Завершая краткую характеристику памятника, необходимо отметить, что кротовский поселок был построен в периферийной части стоянки среднеиртышской неолитической культуры (ранний комплекс четко локализуется). Кроме того, в верхних горизонтах обнаружено около десятка обломков одного сосуда андронидной пахомовской культуры, несколько фрагментов красноозерских сосудов (переходное время от бронзового века к железному), а также в раскопе исследован погребальный комплекс начала II тыс. н. э.

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 98-01-00335.

В составе коллекции находок из раскопок поселения Инберень X присутствует еще один комплекс, которому, как мы сейчас понимаем, в свое время не было уделено должного внимания. Он очень мал — всего 8 фрагментов керамики, все они изображены на рисунке. Несмотря на малочисленность, данный комплекс представляет исключительный интерес в связи с вопросами культурных связей кротовского населения лесостепного Прииртышья и, отчасти, в связи с датировкой кротовской культуры. Обратимся к находкам.

Основанием для объединения интересующих нас черепков в одну группу явилось в первую очередь наличие в них тальковой примеси. Фрагменты тальковых сосудов обнаружены в разных местах исследованной части поселения, подчас в значительном удалении друг от друга. Так, например, расстояние между обломками одного из сосудов (рис., 3) составляло от 7 до 14 м. Шесть черепков найдено на огороженной площадке, два — за частоколом. Условия залегания в слое фрагментов данного комплекса и многочисленных обломков кротовской посуды ничем не отличались. Форму тальковых сосудов можно охарактеризовать как баночную со слабо выпуклыми стенками, в верхней части слегка отогнутыми наружу. Вряд ли можно сомневаться в том, что днища сосудов были плоскими. Все экземпляры имеют плоский срез венчика, у одного из сосудов на внутренней стороне стенки под венчиком присутствует четко выраженное ребро (рис., 1). Толщина черепков — 6–8 мм; цвет — серовато-коричневый, неравномерный, обратная сторона более темная. Стенки хорошо заглажены, на внутренней поверхности одного сосуда видны штриховые следы от работы зубчатым шпателем.

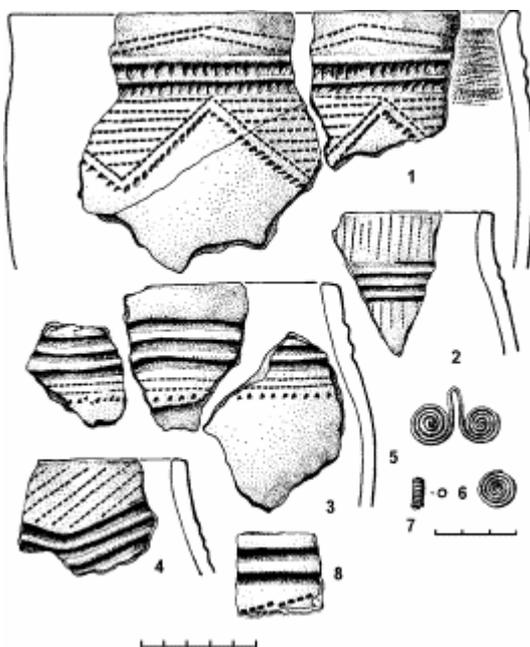

Рис. Керамика и бронзовые изделия с поселения Инберень X (1–7), фрагмент сосуда с поселения Ташково II (8).

Все сосуды украшены, орнаментальный пояс расположен в верхней трети стенок. Узоры выполнены в гребенчатой и желобчатой технике, а также каплевидными и подтреугольными вдавлениями — наколами. Гребенчатые штампы — с крупными и средних размеров зубцами, желобки — глубоко врезанные и довольно широкие — от 3 до 7–8 мм. Орнамент состоит из нанесенных гребенкой зигзаговых и горизонтальных линий, рядов вертикальных или наклонных отрезков и горизонтально заштрихованных равнобедренных треугольников вершиной вниз, желобчатых горизонтальных и волнистых линий. На одном из сосудов желобки заполнены каплевидными вдавлениями (рис., 1), на другом — мелкими наколами обрамлена горизонтальная линия гребенки (рис., 3).

Охарактеризованная посуда имеет очень мало общего с керамикой классического кротовского облика, во множестве собранной на поселении. Их сближает, пожалуй, только форма сосудов. Тем не менее, поскольку случайность попадания тальковых черепков в культурный слой абсолютно исключена, их следует рассматривать как инородную, но неотъемлемую часть керамики, использовавшейся обитателями кротовского поселка. Вопрос о культурной принадлежности талькового комплекса Инберени X отнюдь не прост. Имеющиеся в нашем распоряжении фрагменты выразительны, но не настолько, чтобы безошибочно идентифицировать их с какими-либо из известных керамических материалов. Лишь один вывод не вызывает у нас сомнения: данный комплекс имеет

зауральское происхождение. Только на Урале в керамическом производстве широко использовался тальк в качестве искусственной добавки в формовочную массу. Примесь измельченной тальковой породы характеризует керамику зауральских культур от раннего неолита до средневековья. Подчеркнем — именно зауральских, поскольку тальковая керамика традиционна для археологических культур Среднего и Южного Зауралья. На западных склонах гор и в районах, прилегающих к Уралу с западной стороны, ведущей примесью являлась раковина. К востоку от Уральских гор посуда с примесью талька встречается вплоть до Тобола, но уже на Ишиме, а тем более на Иртыше и в Приобье случаи нахождения тальковых сосудов или фрагментов исключительно редки (Ботай, петровские комплексы Северного Казахстана, памятники красноозерской культуры Инберень VI и Новотроицкое I, Еловский II андроновский могильник [Мартынюк, 1985, с. 65, 68; Зданович, Хабдулина, 1976, с. 96; Абрамова, Стефанов, 1985; Труфанов, 1990, с. 116; Матющенко, 1973, с. 25]). Несомненно чаще тальковая керамика встречается в Северном Казахстане в комплексах явленского типа, связано это с появлением здесь черкаскульских групп населения [Зданович, 1983, с. 74–77].

Таким образом, тальковые сосуды, фрагменты которых найдены на Инберени X, предположительно, были изготовлены в Среднем или Южном Зауралье. Принимая во внимание относительную хронологию кротовской культуры и место данного памятника в системе кротовских древностей Прииртышья, круг поисков аналогий тальковому комплексу можно значительно сузить. Автор раскопок предполагала сравнительно ранний — среди однокультурных памятников — возраст поселения Инберень X и синхронизировала формирование кротовской культуры на Иртыше и петровских комплексов в Северном Казахстане [Стефанова, 1986, с. 44; 1988, с. 68–71]. По мнению И. Г. Глушкова, Инберень X, напротив, характеризует поздний — преображенский этап в развитии культуры, существовавшей во второй трети II тыс. до н. э. [1984, с. 55; 1986, с. 12].

Верхняя граница кротовской культуры совпадает с появлением в Прииртышье андроновского населения — носителей федоровских культурных традиций — и формированием древностей черноозерского типа. Распространение андроновских элементов относится ко времени существования здесь поздних кротовских памятников типа Черноозерье IV. Оно происходило постепенно, и, скорее всего, имело место сосуществование кротовских и андроновских групп на протяжении какого-то, не слишком продолжительного, периода [Стефанов, Стефанова, 1990, с. 134]. То, что поселение Инберень X относится к более раннему времени, кажется нам очевидным. Помимо морфологических и декоративных особенностей керамики кротовского облика [Стефанова, 1986, с. 44; 1988, с. 63], на это указывают глиняные рыболовные грузила — так называемые моталки, характерные для энеолитических и раннебронзовой ташковской культур Зауралья и Тюменского Притоболья, и некоторые металлические предметы (очковидные подвески, ножи турбинского типа). Да и тальковые инберенские сосуды не вызывают никаких федоровских ассоциаций. Уместно за-метить, что для керамики федоровского

типа в Зауралье тальк не является типичной примесью (кстати, уже только на этом основании можно подвергнуть сомнению точку зрения некоторых исследователей о формировании федоровской культуры в районах горно-лесного и лесостепного Зауралья.— В. С., Н. С. Об этом же писала Е. Е. Кузьмина [1986, с. 156; 1994, с. 114]). Таким образом, из числа зауральских культур, население которых вступало в контакты и поддерживало какие-то отношения с кротовскими племенами Среднего Прииртышья, можно исключить федоровскую и черкаскульскую.

Инберенские сосуды не имеют явных соответствий в материалах памятников зауральских алакульской и коптяковской культур, зато во многом сопоставимы с керамикой синташтинско-петровских комплексов и уральской абашевской (баланбашской) культуры. Важно то, что сходство с наиболее ранними — из культур бронзового века Урала — керамическими комплексами прослеживается не по отдельным признакам, а по их совокупности. Банки закрытых форм и с едва намеченной шейкой, плоский срез венчика, ребро на внутренней стороне стенок, следы заглаживания поверхности стенок зубчатым шпателем, орнаментация верхней части сосудов, гребенчатая техника, горизонтальные и волнистые желобки-каннелюры в составе орнаментальных мотивов, горизонтальная штриховка треугольников вершиной вниз, нанесение семечковидных вдавлений в широких желобках, обрамление фигур наколами — все эти признаки являются типичными для керамики названных культурных образований. Такая посуда шире представлена в материалах поселений, но встречается и в составе погребального инвентаря. Сравнение инберенских банок с керамикой поселений Баланбаш, Урняк, Мало-Кизыльское, Береговское I и II, Юмаковское III, Романовка, Нижне-Чуракаевское могильника и других абашевских памятников [Сальников, 1967, с. 72–91; Пряхин, 1976, с. 88–112; Горбунов, 1986, 1989; Кузьмина, 1992, с. 29–38], синташтинских поселения и могильников [Генинг В. Ф., Зданович, Генинг В. В., 1992], поселений Аркаим и Петровка II [Зданович, 1988, с. 109, 110; 1997] показывает, что для установления относительной (слишком мала выборка) хронологической и культурной принадлежности комплекса наибольшую значимость имеют такие признаки, как: волнистые желобки-каннелюры в орнаменте, горизонтальная штриховка треугольников, расположенных вершиной вниз, наличие ребра на внутренней стороне стенок и форма сосудов. О значении талька как специфической зауральской добавки в керамическое тесто говорилось выше.

Судя по публикациям, синташтинско-петровская керамика изготовлена из разнообразных по рецептуре формовочных масс; тальковая примесь является одной из ведущих, но наряду с ней широко использовались раковина, песок и шамот [Гутков, 1994, с. 67; 1995а, с. 137–139; 1995б; Генинг В. Ф., Зданович, Генинг В. В., 1992, с. 403–406; Смирнов, Кузьмина, 1977, с. 13–17; Виноградов, 1982, с. 97; Зданович, Хабдулина, 1976, с. 96]. Для абашевской культуры лесостепного Приуралья характерна керамика с примесью толченой раковины, тальковые добавки встречаются эпизодически на восточной окраине ареала или в комплексах, оторванных от основной территории (Береговское II поселение, Мало-Кизыльское, Юкалекулевский могильник [Сальников, 1967, с. 32, 75; Пряхин, 1976, с. 97, 110]). Резонно предположить в этой связи, что абашевские (баланбашские) группы, подобно тому, как это происходило во многих других местах [Глушков, Глушкова, 1992, с. 120, 121; Глушков, 1995, с. 32–33; 1996, с. 116], оказавшись в районах с иным сырьевым фоном, могли изменить формовочные рецепты, адаптировав их к новым естественно-географическим условиям. В таком случае, сопоставление инберенских сосудов с уральской абашевской керамикой оказывается вполне корректным.

И все же, с какими из зауральских древностей следует соотносить тальковую посуду Инберени X? На наш взгляд, оценить степень сходства инберенской керамики с каким-то конкретным культурным типом в настоящее время едва ли возможно. Малочисленность комплекса тому не единственная причина. Другая причина заключается в отсутствии четких содержательных характеристик синташтинской и, особенно, петровской посуды памятников Южного Зауралья. Можно посоветовать на нехватку публикаций, но вместе с тем нельзя не согласиться с мнением Г. Б. Здановича о поразительном многообразии форм и орнаментации керамики поселений Аркаим, Синташта, Куйсак и им подобных, которая с трудом поддается типологической классификации [Малютина, Зданович, 1995, с. 105; Зданович, 1997, с. 51]. В контексте данной работы нам представляется важным вывод, разделяемый большинством ученых, — о значительной роли абашевского компонента в сложении культуры Аркаима и Синташты, синташтинско-петровских комплексов [Пряхин, 1976, с. 111–112; Смирнов, Кузьмина, 1977, с. 27; Потемкина, 1984; 1985, с. 281, 283; 1995; Пряхин, Халиков, 1987, с. 128–131; Черных, Кузьминых, 1989; Кузьмина Е. Е., 1994, с. 109; Горбунов, 1990; Кузьмина О. В., 1992, с. 75; Зданович Г. Б., Зданович Д. Г., 1995, с. 52–54; Зданович, 1995, с. 40; Григорьев, 1996; и др.].

Нельзя не упомянуть еще один тип керамики, с которым инберенские сосуды имеют определенное сходство. Это так называемый нерасчлененный тип керамики, выделенный А. Ф. Шориным по сборам на поселении Березки I (оз. Аргази, Челябинская область) [Шорин, 1988, с. 11; Петрин, Нохрина, Шорин, 1993, с. 178; Обыденнов, Шорин, 1995, с. 25–30, 46, 47]. Для него характерны сосуды с тальком в глине, горшковиной и баночной форм, со слабо или сильно раздутым туловом, плоским венчиком, внутренним ребром и желобчатой орнаментацией [Обыденнов, Шорин, 1995, с. 152, 153, рис. 23, 24]. К сожалению, контуры своеобразного культурного образования, представленного нерасчлененным типом керамики (крайне неудачное название. — В. С., Н. С.), едва намечены и его позиция в системе зауральских древностей эпохи бронзы остается неясной. Однако с одним выводом, сделанным в результате анализа этой керамики, мы готовы согласиться: в ней присутствуют явные абашевские элементы [Обыденнов, Шорин, 1995, с. 47].

Таким образом, сравнительный анализ инберенской керамики позволяет сделать следующее заключение: она зауральского происхождения и связана либо с одной из культур, в состав которой входил абашевский компонент, либо с пока гипотетической культурой продвинувшихся в горнолесное Зауралье групп абашевского населения. Для соотнесения ее непосредственно с баланбашскими культурными комплексами достаточных оснований нет. Этот вывод может быть подкреплен дополнительными аргументами. В качестве таковых выступают некоторые из найденных на Инберени X металлических предметов — очковидные подвески (иногда их называют привесками) (рис., 5, 6) и витая проволочная пронизь (рис., 7). Очковидные подвески распространены в ряде европейских культур (среднеднепровской, фатьяновской, балановской), в комплексах первой трети II тыс. до н. э. Северо-Восточного Кавказа, найдены в Северо-Восточном Иране (комплекс Гиссар III), но специфичны прежде всего для средневолжской абашевской культуры [Кузьмина, 1992, с. 52, 58; Марковин, 1994, с. 298, 303, 311; Массон, 1986, с. 116, рис. 23]. В погребениях Виловатовского II могильника они встречались по 6 и 9 шт. [Большов, Кузьмина, 1995, с. 107, 109]. В памятниках уральской абашевской культуры их намного меньше (Юкалекулевский, Северо-Бирский могильники, Верхне-Кизыльский клад, Береговое I поселение, Серный Ключ [Сальников, 1967, с. 25, 27, 42; Горбунов, 1989, с. 35, рис. 6; Борзунов, 1998, с. 18, 20, рис. 2, 16]), но и здесь такие подвески рассматриваются в качестве характерных находок [Горбунов, 1976, с. 54]. В материалах синташтинско-петровских комплексов подобные украшения как будто отсутствуют. Много очковидных подвесок обнаружено в алакульских могильниках Зауралья и Казахстана (Урал-Сай, Алексеевский, Лисаковский, Алыпкаш, Айшрак, Былкылдак, Киргильды, Алакульский, Субботино, Раскатиха, Верхняя Алабуга, Чистолебяжье, Хрипуновский и др.). Наряду с желобчатыми браслетами этот тип украшений стал связующим между алакульской и абашевской культурами [Евтюхова, 1965, с. 142; Потемкина, 1985, с. 281; Кузьмина, 1992, с. 57–58]. В отличие от абашевских, сделанных из круг-

лой в сечении проволоки, некоторые алакульские подвески изготовлены из узкой бронзовой пластинки или тонкой уплощенной проволоки [Кривцова-Гракова, 1948, с. 111, 113, рис. 37, 5; Могильников, 1984, с. 33–34; Матвеев, 1998, с. 248]. Инберенские экземпляры из круглой проволоки, имеют спиральные завершения в 3,5 и 4 оборота; у абашевских находок количество витков в спиралах обычно 2–3 [Кузьмина, 1992, с. 52]. Показательно, что на Инберени X очковидные подвески найдены вместе с витой бронзовой пронизкой. В погребениях Вилатовского II могильника на Средней Волге зафиксировано, что подвески привешивались на шнурки, пропущенные через крупные витые пронизи [Большов, Кузьмина, 1995, с. 87, 89, 107, 109]. В типологии Е. Н. Черных витые проволоочные пронизи были названы абашевскими [1970, с. 73]. Наряду с ними, на Волге, Дону и в Приуралье известны пронизки из гладкой и рифленой пластинки, свернутой в трубочку. Среди подобных алакульских находок преобладают трубчатые пронизи.

Инберенские подвески и пронизка не относятся к числу культуродиагностирующих находок и не имеют каких-то явно выраженных ранних признаков. Если бы не керамика, они могли бы быть сопоставлены с украшениями алакульского костюма, но, как мы выяснили, тальковая керамика Инберени X — неалакульская. Из сказанного следует, что инберенский металл не доказывает, но и не отрицает сделанный ранее вывод — о существовании контактов между кротовским населением Прииртышья и зауральскими группами, в культуре которых заметную роль играли абашевские традиции.

Судя по тому, что в археологических материалах кротовских памятников свидетельства таких контактов чрезвычайно редки, они не носили массового характера. Можно вспомнить в этой связи находки нескольких сосудов, сопоставимых по ряду признаков с петровской керамикой, на могильниках Ростовка и Сопка-2 [Молодин, 1977, с. 66; 1985, с. 86; Молодин, Ламина, 1989, 116; Глушков, 1986]. В Омской области известна еще одна очковидная подвеска, которая имеет характерную особенность: ее концы закручены в спираль внутреннюю (напоминая тем самым очковидные подвески из могильников приказанской культуры [Халиков, 1980, с. 49]). Она найдена в погребении 62 Окуневского V могильника и, по мнению В. И. Матющенко и А. В. Полеводова, относится к числу изделий завершающей стадии кротовской культуры [1994, с. 63, 128, рис. 6, 77].

Говоря об эпизодическом характере контактов между кротовскими и зауральскими (абашевскими? синташтинскими? абашевско-петровскими? петровскими? иными?) группами населения, мы имеем в виду раннюю стадию кротовской культуры. Внешние связи кротовских племен на завершающем этапе культуры значительно усилились, но были ориентированы уже на андроновский мир казахстанских степей. По-видимому, аналогичная ситуация имела место в Нижнем Притоболье, где зафиксированы контакты населения ташковской культуры с синташтинско-абашевскими [Ковалева, Чаиркина, 1991, с. 68; Потемкина, 1995, с. 23] и раннеалакульскими [Потемкина, 1995, с. 23] коллективами. В керамике поселения Ташково II отмечена примесь талька [Ковалева, 1997, с. 26]. Здесь же найдено несколько фрагментов сосудов инородного облика, выполненных на шаблоне, с желобчатым орнаментом [Там же, с. 75]. Первоначальное мнение об их близости синташтинско-абашевской керамике В. Т. Ковалева пересмотрела, в монографическом исследовании данные обломки приведены ею в качестве иллюстрации возможных связей с раннеабашевским населением. Соответственно ташковские комплексы удревнены по отношению к синташтинским [Там же]. Не имея возможности в рамках данной статьи дискутировать по проблемам хронологии ташковской культуры (тем более, что развернутая система аргументации ее ранней даты до сих пор не представлена), заметим, что, на наш взгляд, точка зрения В. Т. Ковалевой выглядит достаточно произвольной. Найденные на Ташково II фрагменты, демонстрирующие межкультурные связи, судя по единственному опубликованному рисунку [Там же, с. 124, рис. 49, 10], во-первых, еще менее информативны, чем инберенские, а во-вторых, вполне вписываются в инберенский комплекс (рис., 8). Добавим, что если раньше мы предполагали более раннюю начальную дату ташковских комплексов по сравнению с кротовскими [Корочкова, Стефанов, Стефанова, 1991, с. 76], то сейчас мы в этом не уверены. Скорее всего, нижняя хронологическая граница кротовской культуры должна быть несколько удревнена.

Литература

Абрамова М. Б., Стефанов В. И. Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск, 1985.

Большов С. В., Кузьмина О. В. Новые исследования II Вилатовского могильника // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья. Самара, 1995.

Борзунов В. А. Укрепленные поселения конца бронзового и начала железного веков // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1: Поселения и жилища. Кн. 1. Томск, 1994.

Борзунов В. А. Исследования городища Серный Ключ на р. Уфе // Урал в прошлом и настоящем. Екатеринбург, 1998.

Виноградов Н. Б. Кулевчи III — памятник петровского типа в Южном Зауралье // КСИА. 1982. Вып. 169.

- Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В.* Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1992.
- Глушков И. Г.* Кротовская культура на Иртыше (по материалам поселения Саранин II) // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984.
- Глушков И. Г.* Керамика самусьско-сейминской эпохи лесостепного Обь-Иртышья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1986.
- Глушков И. Г.* Керамика как исторический источник (методика технологической диагностики лепной посуды): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1995.
- Глушков И. Г.* Керамика как археологический источник. Новосибирск, 1996.
- Глушков И. Г., Глушкова Т. Н.* Текстильная керамика как исторический источник (по материалам бронзового века Западной Сибири). Тобольск, 1992.
- Горбунов В. С.* Украшения племен абашевской культуры // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976.
- Горбунов В. С.* Абашевская культура Южного Приуралья: Уч. пособие к спецкурсу. Уфа, 1986.
- Горбунов В. С.* Поселенческие памятники бронзового века в лесостепном Приуралье: Уч. пособие к спецкурсу. Уфа, 1989.
- Горбунов В. С.* Некоторые проблемы культурно-генетических процессов эпохи бронзы Волго-Уралья. Препринт. Свердловск, 1990.
- Григорьев С. А.* Синташта и арийские миграции в эпоху бронзы // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1996.
- Гутков А. И.* Исходное сырье и формовочные массы керамики Большекараганского могильника // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994.
- Гутков А. И.* Техника и технология изготовления керамики поселения Аркаим // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995а.
- Гутков А. И.* Технология изготовления керамики памятников синташтинского типа // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. 5, кн. 2. Челябинск, 1995б.
- Евтюхова О. Н.* О хронологии абашевской культуры Среднего Поволжья // Новое в советской археологии. М., 1965.
- Зданович Г. Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург, 1988.
- Зданович Г. Б.* Аркаим: арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995.
- Зданович Г. Б.* Аркаим — культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // РА. 1997. № 2.
- Зданович Г. Б., Зданович Д. Г.* Протогородская цивилизация «страны городов» Южного Зауралья (опыт моделирующего отношения к древности) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. 5, кн. 1. Челябинск, 1995.
- Зданович Г. Б., Хабдулина М. К.* Петровские (раннеалакульские) комплексы Северного Казахстана // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век). Куйбышев, 1976.
- Зданович С. Я.* Происхождение саргаринской культуры (к постановке вопроса) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.
- Ковалева В. Т.* Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: поселение Ташково II. Екатеринбург, 1997.
- Ковалева В. Т., Чаиркина Н. М.* Этнокультурные и этногенетические процессы в Среднем Зауралье в конце каменного — начале бронзового века: итоги и проблемы исследования // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1991. Вып. 20.
- Корочкова О. Н., Стефанов В. И., Стефанова Н. К.* Работы в Среднем Прииртышье // АО 1977 г. М., 1978.
- Корочкова О. Н., Стефанов В. И., Стефанова Н. К.* Культуры бронзового века предтаежного Тоболо-Иртышья (по материалам работ УАЭ) // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1991. Вып. 20.
- Кривцова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение и могильник // Тр. ГИМ. М., 1948. Вып. 17.
- Кузьмина Е. Е.* Гончарное производство у племен андроновской общности (об одном археологическом аспекте происхождения индоиранцев) // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М., 1986.
- Кузьмина Е. Е.* Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994.
- Кузьмина О. В.* Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье: Уч. пособие к спецкурсу. Самара, 1992.
- Малютина Т. С., Зданович Г. Б.* Куйсак — укрепленное поселение протогородской цивилизации Южного Зауралья // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. 5, кн. 1. Челябинск, 1995.
- Марковин В. И.* Северо-Восточный Кавказ в эпоху бронзы // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994.
- Мартынюк О. И.* Керамика поселения Ботай // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1985.
- Матвеев А. В.* Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск, 1998.
- Массон В. М.* Древние культуры Ирана // Археология зарубежной Азии. М., 1986.
- Матющенко В. И.* Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 3: Андроновская культура на верхней Оби // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 11.
- Матющенко В. И., Полеводов А. В.* Комплекс археологических памятников на Татарском Увале у деревни Окунево. Новосибирск, 1994.
- Могильников В. А.* Курганы Чистолембяжье // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984.
- Молодин В. И.* Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977.

- Молодин В. И.* Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985.
- Молодин В. И., Ламина Е. В.* Керамика могильника Сопка-2 // Керамика как исторический источник. Новосибирск, 1989.
- Обыденнов М. Ф., Шорин А. Ф.* Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). Екатеринбург, 1995.
- Петрин В. Т., Нохрина Т. И., Шорин А. Ф.* Археологические памятники Аргазинского водохранилища (эпохи камня и бронзы). Новосибирск, 1993.
- Потемкина Т. М.* Роль абашевцев в процессе развития алакульской культуры // Эпоха бронзы Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1984.
- Потемкина Т. М.* Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.
- Потемкина Т. М.* Проблемы связей и смены культур населения Зауралья в эпоху бронзы (ранний и средний этапы) // РА. 1995. № 1.
- Пряхин А. Д.* Поселения абашевской общности. Воронеж, 1976.
- Пряхин А. Д., Халиков А. Х.* Абашевская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987 (Археология СССР).
- Сальников К. В.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
- Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.
- Стефанов В. И., Стефанова Н. К.* О соотношении кротовских и андроновских комплексов // Археология Волго-Уральских степей. Челябинск, 1990.
- Стефанова Н. К.* Работы в Среднем Прииртышье. АО 1978 г. М., 1979.
- Стефанова Н. К.* Новый памятник кротовской культуры на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск, 1985.
- Стефанова Н. К.* О керамике кротовской культуры в Среднем Прииртышье // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск, 1986.
- Стефанова Н. К.* Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988.
- Труфанов А. Я.* Культуры эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку лесостепного Прииртышья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990.
- Халиков А. Х.* Приказанская культура // САИ. 1980. Вып. В1-24.
- Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970.
- Черных Е. Н., Кузьминых С. В.* Древняя металлургия Северной Евразии. М., 1989.
- Шорин А. Ф.* Среднее Зауралье в эпоху развитой и поздней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1988.

Екатеринбург, Уральский государственный университет